

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 4. С. 1325–1368
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 5, no. 4 (2021): 1325–68

Научная статья

УДК 94(47).084.9

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-4-7>

История музея-заповедника «Пермь-36»: опыт историографического осмысления и музеефикации

Сергей Андреевич Шевырин

Мемориальный музей-заповедник

истории политических репрессий «Пермь-36»,

Пермь, Россия,

shewirin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8378-7528>

Sergei A. Shevyrin

The Memorial Reserve Museum

of the History of Political Repression Perm-36,

Perm, Russia,

shewirin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8378-7528>

Аннотация. В статье показана история изучения небольшой лесной колонии, возникшей еще во времена ГУЛАГа, пережившей этап политической колонии и ставшей после своего закрытия в 1990-е годы музеем истории политических репрессий «Пермь-36». На основе анализа публикаций 1990-х – 2000-х гг. делается попытка воссоздать историю осмысления эпохи политических репрессий на примере конкретного музея – от активного изучения темы в начале 1990-х гг. и создания общественного музея при поддержке администрации Пермской области до жесткой критики со стороны местной и федеральной прессы, лишения финансирования и административной поддержки и в итоге достаточно грубого отстранения руководства общественного музея и назначения управленцев из министерства культуры. Если общественный музей имел мощный творческий и научный потенциал, позволяющий ему развиваться, внедрять новые формы работы, привлекать мировое музейное и правозащитное сообщество, то, к сожалению, государственный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36» фактически стал заштатным региональным музеем. В первые годы существования государственного музея (2015–2016 гг.) его руководство пыталось пересмотреть основную линию общественного музея, что выражалось в попытках оправдать власть и жестокие законы времени существования колонии, найти какой-то компромат на ее политических заключенных. Новые выставки музея (например, «Переломаны буреломами») рассказывали о государственной необходимости работы заключенных, в частности, в заготовке леса для восстановления разрушенныхвойной

© Шевырин С.А., 2021

© Shevyrin S., 2021

городов, об успехах в механизации лагерного производства и т.д. Общественное возмущение заставило руководство музея скорректировать его курс. Сейчас деятельность музея-заповедника, согласно принятой в 2019 г. концепции развития, направлена на сохранение памяти жертв политических репрессий для предотвращения подобных трагедий. Государственный музей «Пермь-36» создает новые выставки и экспозиции, рассказывающие историю колонии через истории людей ГУЛАГа, диссидентов и правозащитников. Однако деятельность государственного музея-заповедника, лишенного общественной инициативы и творческого потенциала первых руководителей, пока не может подняться на уровень международного признания и значения, который был у его предшественника, общественного музея.

Ключевые слова: ГУЛАГ, «Пермь-6», колония, политические репрессии, музей, экспозиция

Для цитирования: Шевырин С.А. История музея-заповедника «Пермь-36»: опыт историографического осмыслиения и музеефикации // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 4. С. 1325–1368. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-4-7>

The history of the Memorial Museum Perm-36: the experience of historiographical comprehension and museumification

Abstract. The article studies the history of a small timber-harvesting colony that was created in the times of the GULAG labor camps, outlived the period of being a political colony, and was transformed into a museum, the Museum of the History of Political Repression Perm-36, in the 1990s. Based on the analysis of publications of the 1990s–2000s, an attempt was made to recreate the history of comprehension of the era of political repression using the example of a certain museum. From the active study of the topic in the early 1990s and establishment of a public museum with support from the Perm Oblast administration, Perm-36 moved on to undergo severe criticism from the local and federal press, deprivation of financing and administrative support and, finally, rather rough dismissal of the museum administration and appointment of top managers from the Ministry of Culture. The public museum had a powerful creative and scientific potential that allowed it to develop, implement new forms of work, and attract the international museum and human rights community, but, unfortunately, the State Memorial Museum of the History of Political Repression Perm-36 has become an ordinary regional museum in fact. In the first years of being a state museum (2015–16), the administration of Perm-36 tried to revise the directions of work of the public museum. This was expressed in its attempts to justify the authorities and the cruel laws of the time when the colony existed and to find some incriminating evidence against its political prisoners. New exhibitions of the museum (e.g. “Broken by windfalls”) highlighted the state’s need for the prisoners’ work, in particular in harvesting timber needed for the reconstruction of war-ravaged cities, the successes in mechanization of camp production, and so on. The public outcry forced the leadership of the museum to adjust its course. Now, according to the development concept adopted in 2019, the activities of the reserve museum are aimed at preserving the memory of victims of political repression in order to prevent such tragedies in the future. The state museum Perm-36 continues to open new exhibitions and expositions that tell the story of the colony through the stories of people from the GULAG camps, dissidents, and human rights activists. However, the

activities of the state memorial museum, which is deprived of public initiative and creative potential of the first directors, cannot yet rise to the level of international recognition and significance that its predecessor, the public museum, used to have.

Key words: GULAG, Perm-36, colony, political repression, museum, exposition

For citation: Shevyrin, S. “The history of the Memorial Museum Perm-36: the experience of historiographical comprehension and museumification,” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 5, no. 4 (2021): 1325–68, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-4-7>

Введение

В последнее время в российском обществе приобрела особую актуальность тема сохранения исторической памяти. В первую очередь это касается «сложных» страниц истории, к которым, несомненно, относится история политических репрессий, ГУЛАГа, диссидентского и правозащитного движения 1970–1980-х гг. Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36» был создан для сохранения памяти жертв политических репрессий. Но с 2013 г. вокруг музея ведутся многочисленные дискуссии об интерпретации истории, приводятся взгляды с обеих сторон колючей проволоки — зачастую диаметрально противоположные, но рассказывающие об одних и тех же событиях. Немецкий исследователь Анке Гизен, проанализировав высказывания СМИ о музее, назвала этот феномен «расколотая память»¹. В данной статье рассмотрена историография по теме музеефикации бывшей колонии, а также источники научного, научно-популярного и административно-правового характера, без анализа материалов СМИ, имеющих явно манипулятивный характер. Данный подход позволил не только проследить историю конкретного музея, но и историю той колонии, на месте которой он возник. Историографический обзор литературы необходим в том числе и для понимания того, как изменялись в российском обществе историческая память и отношение к политическим репрессиям советского периода, следствием чего стал пересмотр отношения к музею-заповеднику «Пермь-36» (в первую очередь со стороны краевой администрации) как определённый индикатор государственной политики в области сохранения исторической памяти.

¹ Гизен А. Расколотая память: отражение конфликта вокруг «Мемориального центра Пермь-36» в российских медиа // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 3. С. 363–376.

Основная часть

Идея создания музея истории политических репрессий возникла среди пермских общественников в 1992 г.² В 1990-е гг. велась активная работа по изучению истории политических репрессий в стране и в отдельных регионах. Общественный научно-исследовательский центр «Урал–ГУЛАГ» организовал пять международных научных конференций по проблемам истории политических репрессий³. К сожалению, часть материалов этих конференций не была опубликована. В архиве музея-заповедника хранятся записи этих конференций, на которые приезжали в том числе и бывшие заключенные⁴. Тезисы конференций 1994, 1995 и 1996 гг. были опубликованы в сборниках. Сборник 1994 г. назывался «Тоталитаризм и личность» и был посвящен теории и практике тоталитаризма⁵. Тезисы докладов конференций 1995 и 1996 гг. были опубликованы в 1998 г. в общем сборнике под названием «Тоталитаризм в России (СССР) 1917–1991. Оппозиция и репрессии». Он включал несколько статей, раскрывающих историю исправительно-трудовой колонии ВС 389/36. К примеру, статья Л.А. Обухова и Л.В. Сизовой была посвящена социологическому исследованию бывших заключенных пермских политлагерей (ВС 389/35, 36 и 37). Она была написана на материалах учетных карточек заключенных, хранящихся в архиве Пермского Управления внутренних дел. Всего авторами было изучено около тысячи карточек, охватывающих период с 1972 по 1988 гг. Проанализировав статьи, по которым были осуждены заключенные, авторы пришли к выводу, что их состав (в среднем по трем колониям) был сходным – 50 % осуждены по ст. 70, 72 УК РСФСР и аналогичным статьям союзных республик (антисоветская агитация и пропаганда, участие в антисоветских организациях) и 50 % осуждены по ст. 64 УК РСФСР и аналогичным статьям союзных республик (измена Родине). По национальному составу преобладали украинцы (36,6 %), русские (34,5 %),

² «Пермь-36». Мемориальный музей истории политических репрессий. Стратегия развития и отчет о деятельности в 2002 г. Москва: Референдум, 2003. С. 24.

³ Решение Законодательного собрания Пермской области от 25 июля 1997 г. № 815: Программа «Мемориальный музей истории политических репрессий и тоталитаризма в СССР (Пермь-36) // Бюллетень Законодательного Собрания и администрации Пермской области. 1997. № 7–8. URL: <http://www.nordcup.ru/index.php?ds=344461> (дата обращения: 01.07.2021).

⁴ Аудиоархив Мемориального музея-заповедника «Пермь-36». Диск 011216_1752, папка Museum/Conferences/1992.

⁵ Тоталитаризм и личность. Тезисы докладов международной научно-практической конференции. Пермь, 12–14 июля 1994 г. / ответственный редактор А.Б. Суслов. Пермь: Пермский государственный педагогический институт; Научно-исследовательский центр «Урал-ГУЛАГ», 1994.

литовцы (7,5 %)⁶. В приложении к сборнику были опубликованы образцы карточек заключенных, хранящихся в архиве пермского УВД (например, карточки заключенных ИТК ВС 389/36 А.Т. Марченко, М.Ю. Никлуса, В.С. Стуса, В.В. Овсиенко)⁷.

Статья В.А. Шмырова (директор музея в 1994–2014 гг.), опубликованная в этом же сборнике, была посвящена истории участка особого режима ИТК ВС 389/36. Этот участок был создан в 1980 г., и в него были переведены «особо опасные государственные преступники» из колонии ЖХ-385, расположенной в Мордовии. В статье в качестве источника используется нелегальный журнал «самиздата» – «Хроника текущих событий» (№ 57 за 1980 г.). В нем приводятся воспоминания только что освободившихся бывших заключенных об условиях и распорядке жизни на участке особого режима ИТК ВС 389/36, а также упоминаются фамилии других заключенных, что было очень важно для исследователей на ранней стадии изучения этого объекта. Из указанной статьи можно узнать, что первый этап в составе 30 человек прибыл в колонию 1 марта 1980 г. В их числе были 13 человек, осужденных за военные преступления в годы Великой Отечественной войны (каратель, пособники оккупантов), 13 – по политическим статьям, 2 – по уголовным статьям и 1 – за шпионаж. В дальнейшем состав заключенных изменился: стали преобладать осужденные по политическим статьям⁸.

⁶ Обухов Л.А., Сизова Л.В. Социальный портрет заключенных пермских политлагерей // Тоталитаризм в России (СССР), 1917–1991 гг.: оппозиция и репрессии: материалы научно-практических конференций / ответственный редактор Л.А. Обухов. Пермь: Пермский государственный университет, 1998. С. 117–119.

⁷ Документ 8. Учетные карточки заключенных // Тоталитаризм в России (СССР), 1917–1991 гг.: оппозиция и репрессии: материалы научно-практических конференций / ответственный редактор Л.А. Обухов. Пермь: Пермский государственный университет, 1998. С. 182–189.

⁸ Шмыров В.А. Участок особого режима колонии «Пермь-36» // Тоталитаризм в России (СССР), 1917–1991 гг.: оппозиция и репрессии: материалы научно-практических конференций / ответственный редактор Л.А. Обухов. Пермь: Пермский государственный университет, 1998. С. 119–122.

Барак особого режима, построен в 1980 г.

Источник: Фотофонд музея истории политических репрессий «Пермь-36»,
коллекция «История музея»

Следующая статья сборника, касающаяся истории колонии «Пермь-36», написана членом пермского отделения общества «Мемориал» В.К. Стенингом. Волеслав Карлович Стенинг сам был в свое время узником ГУЛАГа, осужденным по 58-й статье. В 1990-е гг. он стал активным членом общества «Мемориал» и многое сделал для увековечивания памяти жертв политических репрессий. В его статье на основе полевых исследований и опросов бывших заключенных и охранников колонии «Пермь-36» рассмотрена система охраны участка особого режима. После закрытия колонии в 1988 г. большинство охранных систем и сооружений были демонтированы и уничтожены. Тем не менее, сохранились остатки этих сооружений – вкопанные столбы, поваленные «локальными» заборы (территория колонии была разделена специальными «локальными» заборами на «рабочий» и «жилой» участки. – С. Ш.). Волеславу Карловичу удалось установить 12 типов заграждений, определить средства сигнализации («Ночь-12», «Пион», «Флокс»), которые использовались для охраны территории колонии⁹.

В 1995 г. Пермским областным институтом повышения квалификации работников образования был выпущен сборник краеведческих материалов. В нем была опубликована статья доцентов Пермского государственного

⁹ Стенинг В.К. Система охраны участка особого режима колонии «Пермь-36» // Тоталитаризм в России (СССР), 1917–1991 гг.: оппозиция и репрессии: материалы научно-практических конференций / ответственный редактор Л.А. Обухов. Пермь: Пермский государственный университет, 1998. С. 150–152.

педагогического университета А.Б. Суслова и В.Г. Киселева «Страницы истории пермских “островов ГУЛАГа”». А.Б. Суслов являлся в то время также сотрудником общественного научно-исследовательского центра «Урал-ГУЛАГ». В статье была рассмотрена история становления ГУЛАГа на территории Пермской области от создания Вишерлага до появления в годы Великой Отечественной войны лесной ИТК № 6 (будущей колонии «Пермь-36»). Рассматривая меры принуждения и мотивации в ГУЛАГе, авторы ссыпались в том числе на архивные документы лесной колонии № 6¹⁰. Это свидетельствует о том, что сотрудниками научно-исследовательского центра «Урал-ГУЛАГ» в это время велась интенсивная работа по поиску документальных материалов по истории будущей колонии ВС 389/36.

В 1998 г. Пермское областное отделение общества «Мемориал» начало выпускать сборники «Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий». На данный момент выпущено более 20 сборников. В первом сборнике была опубликована статья В.А. Шмырова «К истории пермских политлагерей». В ней на основе архивных документов и воспоминаний бывших заключенных впервые была дана развернутая история создания в Пермской области в начале 1970-х гг. трех колоний для политических заключенных. Также в статье приведены фамилии наиболее известных политзаключенных пермских колоний: В. Буковский, Г. Суперфин, Н. Щаранский, С. Ковалев и др., а также сведения о закрытии колонии «Пермь-36», чemu предшествовали массовые помилования и перевод части заключённых в колонию «Пермь-35»¹¹. Статья сопровождалась фотоиллюстрациями из фонда музея.

Большой вклад в изучение истории колонии «Пермь-36» внес доцент кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета и заместитель директора АНО «Мемориальный музей истории политических репрессий “Пермь-36”» Леонид Аркадьевич Обухов. В 2008–2015 гг. им были написаны три важных статьи, раскрывающих разные аспекты истории исправительно-трудовой колонии ВС 389/36. В 2008 г. в «Вестнике Пермского университета» вышла статья «Из истории одной колонии (лесная ИТК-6. Докучинский период)». В 2010 г. в «Материалах Межрегиональной научно-практической конференции «Шатиловские чтения–2009» опубликована статья «История колонии, ставшей музеем». Наконец, в 2016 г. в сборнике «После

¹⁰ Киселев В.Г., Суслов А.Б. Страницы истории пермских «островов ГУЛАГа» // Страницы истории Урала: сборник статей и информационных материалов. Вып. 2. Пермь: Пермский областной институт повышения квалификации работников образования, 1995. С. 94–101.

¹¹ Шмыров В.А. К истории пермских политлагерей // Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий / составитель А. Суслов. Пермь: Здравствуй, 1998. С. 250–266.

Стилена. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: материалы VIII международной научной конференции» была издана статья «...Есть генералы, полковники и подполковники». История колонии для работников правоохранительных органов в пос. Кучино Молотовской (Пермской) области». Эти статьи охватывали два из трех этапов существования колонии и были написаны на материалах пермских архивов: Государственного архива Пермского края (ГАПК), Пермского государственного архива социально-политической истории (ПермГАСПИ), архива информационного центра УВД (ИЦ УВД) Пермского края. В этих архивах хранятся хозяйствственные и партийные отчеты колоний и всего Управления исправительно-трудовыми лагерями и колониями (УИТЛК), приказы и распоряжения по УИТЛК. Автором была проведена большая работа в архивах, и его исследования строятся на документальной основе.

Из статьи «Из истории одной колонии (лесная ИТК-6. Докучинский период)» можно узнать, что в годы Великой Отечественной войны в структуре УИТЛК в Молотовской области (так тогда назывался Пермский край) действовал ряд специализированных колоний: промышленных, сельскохозяйственных, лесных. В частности, лесной профиль имела колония № 11. Именно из нее приказом от 23 ноября 1942 г. была выделена лесная колония № 6. Первоначально последняя базировалась вблизи железнодорожной станции Селянка и имела в своем составе участок «Бовино». Наполнение колонии планировалось небольшим – 450 человек¹². Состав заключенных на 1 сентября 1943 г. насчитывал 394 человека, из которых 4 человека были осуждены по 58 статье УК РСФСР, 89 – по различным указам (за самовольный уход с предприятий, за кражу государственной собственности), остальные – по уголовным статьям (кражи, растраты). В 1944 г. численность заключенных ИТК № 6 составила уже 800 человек, которые заготавливали лес для восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Так, согласно документам, колония № 6 поставляла лес в возрождаемый Сталинград. После амнистии 1945 г. в колонии осталось всего 138 заключенных. К концу 1945 г. лес на командировках колонии был полностью вырублен, в связи с чем в течение 1946 г. колония три раза меняла свою дислокацию: Верхне-Чусовские Городки, д. Поповка, д. Валежная. В итоге, в конце августа 1946 г. штаб колонии был переведен в д. Кучино Чусовского района¹³. Территория не была готова к

¹² Обухов Л.А. Из истории одной колонии (лесная ИТК-6. Докучинский период) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2008. № 7 (23). С. 90–95.

¹³ Обухов Л.А. История колонии, ставшей музеем // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. 16: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Шатиловские чтения–2009» (15–17 июня 2009 г.) Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. С. 218–225.

размещению колонии: отсутствовало освещение, 40 % заключенных не имели постельных принадлежностей. В конце 1949 г. была построена производственная зона с портновской, сапожной, столярной и механической мастерскими.

Штаб колонии. Построен в начале 1980-х годов

Источник: Фотофонд музея истории политических репрессий «Пермь-36»,
коллекция «История музея»

С июня 1953 г. начался новый этап в истории колонии: она была перепрофилирована для содержания бывших сотрудников силовых ведомств (милиции, суда, прокуратуры, ГУЛАГа). Новый состав заключенных на 1 июля 1954 г. насчитывал 469 человек, которые содержались на общем и облегченном режиме. В основном они использовались на лесоповале. С 1957 г. заключенные колонии производили тарные комплекты (тарные дощечки и ящики) и штукатурную дрань.

В статье «...Есть генералы, полковники и подполковники». История колонии для работников правоохранительных органов в пос. Кучино Молотовской (Пермской) области» Л.А. Обухов на основе сохранившихся архивных материалов рассматривает именно этот, второй период истории колонии, так называемую «красную зону»¹⁴. На участке в Кучино действовал

¹⁴ Обухов Л.А. «...Есть генералы, полковники и подполковники». История колонии для работников правоохранительных органов в пос. Кучино Молотовской (Пермской) области // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории:

облегченный режим, позволявший заключенным посещать клуб в военном городке и получать увольнительные по выходным за территорию зоны. На участке № 2 (п. Северуха) заключенные содержались на общем режиме. В своей статье Л.А. Обухов приводит факты привилегированного отношения к контингенту заключенных в это время. Так, в 1961 г. на территории колонии была построена телевышка, а в красном уголке установлен телевизор. В то время телевизор был достаточно редким явлением, в ближайшей округе ни у кого телевизоров не было. В 1960 г. участок «Северуха» был закрыт, заключенных перевели на новый участок около деревни Темная, рассчитанный на 160 человек. Л.А. Обухов приводит сведения и о том, за что были осуждены работники правоохранительных органов. Так, большинство поступивших в колонию в 1953–1955 гг. были осуждены «за допущенные в прошлом нарушения советской законности», т.е. за участие в массовых репрессиях с использованием «упрощенного метода ведения следствия». К концу 1950-х – началу 1960-х гг. большинство осужденных за подобные преступления были освобождены и на их место в ИТК № 6 начали прибывать сотрудники правоохранительных ведомств, осужденные по уголовным статьям за разбой, хищения, убийства и т.п. После закрытия колонии № 6 ее контингент был переведен в колонии Нижнего Тагила и Марийской АССР.

Свои исследования Л.А. Обухов продолжил и расширил в монографии «Пермь-З6. Предыстория»¹⁵. В ней приведен ряд интересных документов, раскрывающих подробности истории этого учреждения.

Очередным рубежом в истории колонии стал 1972 год 14 января 1972 г. министр внутренних дел СССР подписал приказ о создании двух колоний для содержания политических заключенных. 16 июня 1972 г. приказом начальника УВД Пермского облисполкома ликвидировались колония УТ 389/6 и Скальниковская воспитательно-трудовая колония. На их месте были организованы колонии ВС 389/36 и ВС 389/35, в которые 13 июля 1972 г. прибыл первый этап из Мордовии.

Таким образом, на данный момент достаточно подробно изучены два первых периода истории колонии – ГУЛАГовский и «красной зоны». Третий период, начавшийся в 1972 г., наиболее сложен для изучения, так как архивные документы за этот период еще не рассекречены. Доступны лишь воспоминания бывших заключенных и бывших охранников, а также некоторые документы, например, карточки лицевых счетов заключенных 1970–1980-х гг.,

материалы VIII международной научной конференции (Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г.). Москва: РОССПЭН; Екатеринбург: Ельцин Центр, 2016. С. 178–186.

¹⁵ Обухов Л.А. Пермь-З6. Предыстория: ИТК № 6 (1942–1972). Пермь: Пермское краевое отделение общества «Мемориал», 2018.

медицинские журналы и инструкции колонии ВС 389/35, где располагалась главная больница, обслуживавшая все три политические колонии. В настоящее время, по информации, содержащейся в книге А. Никитина, первый директор и основатель музея «Пермь-36» Виктор Александрович Шмыров работает над монографией «Пермь-36. Лагерь для политических заключенных»¹⁶.

Опубликованные воспоминания и интервью дают живой материал для экскурсий и выставок музея. Так, в первом сборнике «Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий» опубликованы интервью, взятые журналисткой Т. Черепановой у бывшего заключенного особого режима «Перми-36» В. Овсиенко и бывшего охранника этой колонии И. Кукушкина. К сожалению, в публикации не указана дата проведения этих интервью, но по контексту можно предположить, что это 1994 г. – время открытия музея. На мероприятие, посвященное этому событию, приехали многие бывшие заключенные – О. Воробьев, С. Пономарев, М. Никлус, В. Овсиенко. Бывший охранник Иван Кукушкин присутствовал на открытии музея в качестве музейного рабочего, участвовавшего в восстановительных работах. В. Овсиенко в интервью приводит свою версию закрытия колонии в 1987 г., которое он связывает со встречей Горбачёва и Рейгана в Рейкьявике в 1986 г. и заявлением Горбачёва о том, что в СССР не осталось заключенных, отбывающих наказание по политическим статьям. Более информативно интервью, данное И. Кукушкиным. В нем он рассказал о попытке заключенного В. Стуса (украинский поэт, диссидент. – Прим. ред.) покончить жизнь самоубийством, которая произошла во время дежурства Кукушкина: Стус забаррикадировался в рабочей камере и пытался отверткой убить себя. В этом же интервью бывший охранник зоны вспоминает, как сопровождал в августе 1984 г. истекающего кровью Юрия Литвина в больницу г. Чусовой. Литвин был серьезно болен и бритвой вскрыл себе вены. По словам Кукушкина, на его вопрос, зачем тот это сделал, Литвин ответил: «У меня сильнейшие головные боли, я не могу их переносить». Фактически это были его последние слова, после которых он потерял сознание и вскоре умер¹⁷. Обстоятельствам смерти Василя Стуса посвящена статья Василя Овсиенко «Серце, самогубство чи вбивство? Як загинув Василь Стус»¹⁸. Стус и Овсиенко в качестве заключенных в 1984 г. вместе находились в бараке особого режима, поэтому статья Овсиенко во многом построена на воспоминаниях. Овсиенко подробно описывает

¹⁶ Никитин А. Пермь-36: хроника новых репрессий. Пермь: [б.и.], 2019. С. 130.

¹⁷ Черепанова Т. Тайны пермского «ГУЛАГа» // Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий / составитель А. Суслов. Пермь: Здравствуй, 1998. С. 266–271.

¹⁸ Овсиенко В. Серце, самогубство чи вбивство? Як загинув Василь Стус // Справа Василя Стуса. Збірка документів з архіву колишнього КДБ УРСР. Харків: Vivat, 2019. С. 613–634.

последние дни В. Стуса, а также приводит различные версии его гибели. По официальной версии причиной смерти стал сердечный приступ, однако, по мнению В. Овсиенко, было совершено убийство, запланированное сотрудниками КГБ для того, чтобы поэт не смог претендовать на получение Нобелевской премии в области литературы. Незадолго до описываемых событий В. Стус был выдвинут на соискание этой престижной международной награды немецким писателем Г. Бёллем. По версии В. Овсиенко, убийство было совершено посредством использования механизма подъема/опускания верхних нар, приведенного в действие в неурочное время и без предупреждения. В подобном случае, человек, сидящий на нижних нарах, должен был получить смертельную травму от удара по голове тяжелыми, окантованными металлом нарами. Еще одной версией гибели называется самоубийство, однако эта версия, по мнению В. Овсиенко, самая маловероятная, так как В. Стус находился в карцере под усиленным наблюдением и вряд ли мог совершить самоубийство.

Жилая камера особого режима

Источник: Фотофонд музея истории политических репрессий «Пермь-36»,
коллекция «История музея»

В 2018 г. на основе воспоминаний бывших заключенных и данных медицинских документов колонии в бараке особого режима музея «Пермь-36» была создана экспозиция «Медкабинет». Эти же источники легли в основу статьи «Медицина в тюрьме (из опыта музейной реконструкции медицинского кабинета на участке особого режима в музее «Пермь-36»)», вошедшей в

сборник материалов научно-практической конференции «История медицины и образования города Перми – три века служения людям»¹⁹.

За тридцать лет существования музея сформировалась библиография по его истории и деятельности. Одной из первых в ее состав вошла статья Михаила Александровича Черепанова, который в 1994–2005 г. заведовал экспозиционной площадкой музея. Публикация была посвящена трудностям музеефикации бывшей колонии «Пермь-36»: нехватке средств, сложности комплектования музейных фондов и недостаточной точности восстановления структуры колонии, которое основывалось лишь на воспоминаниях бывших заключенных, объективно не знавших деталей системы охраны²⁰. По мнению М.А. Черепанова, музеефикация не может опираться только на данные устной истории (в случае музея «Пермь-36» – воспоминания, записанные несколько лет спустя после закрытия колонии). Несомненно, воспоминания – это важный источник получения информации, однако он имеет свои особенности – субъективность восприятия событий, в некоторых случаях возможная хронологическая неточность. Эти данные требуют уточнения другими видами источников, в первую очередь, архивными материалами. В статье «Архивные материалы в работе музея “Пермь-36”», опубликованной автором данной статьи в 2006 г., рассматриваются вопросы взаимодействия архивов и музея в создании новых выставок и осуществлении просветительских программ²¹. Основная мысль статьи заключается в том, что архивы помогают проследить судьбу конкретного репрессированного человека, а рассказ о репрессиях через историю жизней людей позволяет показать, как, несмотря на страшные испытания, наши соотечественники сумели сохранить человеческое достоинство, мужество и честь.

В 2013–2014 гг. в истории музея произошли важные изменения. Если изначально музей создавался как общественная организация, то в 2013 г.

¹⁹ Шевырин С.А. Медицина в тюрьме (из опыта музейной реконструкции медицинского кабинета на участке особого режима в музее «Пермь-36») // История медицины и образования города Перми – три века служения людям. Материалы научно-практической конференции (Пермь, 30 октября 2019 г.) / под редакцией А.А. Маткина. Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический институт, 2019. С. 182–186.

²⁰ Черепанов М.А. Особенности и проблемы музеефикации объектов и памятников тоталитарной системы // Тоталитаризм в России (СССР), 1917–1991 гг.: оппозиция и репрессии: материалы научно-практических конференций / ответственный редактор Л.А. Обухов. Пермь: Пермский государственный университет, 1998. С. 149–150.

²¹ Шевырин С.А. Архивные материалы в работе музея «Пермь-36» // Архивы в региональном информационном пространстве: материалы межрегиональной научно-практической интернет-конференции, посвященной 85-летию архивной службы Прикамья. Пермь, март–декабрь 2004 г. / научный редактор А.И. Исаченкова. Пермь: [б.и.], 2006. С. 97–99.

параллельно с общественной организацией было создано Государственное бюджетное учреждение культуры Пермского края «Музей политических репрессий “Пермь-З6”». Такое положение привело к острому конфликту организаций и последовавшей за ним ликвидации в 2015 г. общественной организации «Музей истории политических репрессий “Пермь-З6”». Эти события нашли отражение в книге бывшего пресс-секретаря АНО «Пермь-З6» Андрея Никитина «Пермь-З6: хроника новых репрессий»²². В этой книге на основе документов и личных воспоминаний воссоздан процесс изменения статуса музея – от общественной организации к государственному учреждению культуры. Это изменение статуса проходило болезненно для всех сторон и особенно для руководства общественной организации, которое стояло у истоков музея и сделало его музеем со всемирной известностью. В новом статусе музей продолжил работу, но уже без ярких лидерских и научных качеств бывшего директора и основателя музея – Виктора Александровича Шмырова. Пришедшее на смену профессионалам-историкам новое руководство, состоящее из бывших чиновников Министерства культуры, не имевших исторического образования, первыми же своими управленческими действиями вызвало волну критики. Это в первую очередь история с лагерными воротами, которые не успели музеефицировать в период общественного музея, а новым руководством чуть было не были сданы в металлом²³. Первая крупная выставка государственного музея «Переломаны буреломами», открытая в июне 2015 г., имела кардинально иной смысл по сравнению с выставками общественного музея. Если выставки, сделанные под руководством В.А. Шмырова, имели ярко выраженный правозащитный характер, обвинявший преступления власти и повествовавший о судьбах репрессированных людей, то новая выставка рассказывала о вкладе в Победу в Великой Отечественной войне обезличенной массы заключенных. Ни судьбы конкретных заключенных ГУЛАГа, ни условия их жизни в колонии не были показаны на этой выставке. Ее основу составили отчетные документы о выполнении плана лесозаготовок, данные о росте производительности труда заключенных и важности леса для экономики страны. По мнению многих посетителей, в частности немецкой журналистки К. Холм: «...фактически выставка оправдывала «рабский труд» и существование ГУЛАГа»²⁴. Наивысшей точкой развития этого курса нового руководства стала статья, опубликованная на сайте государственного музея

²² Никитин А. Пермь-З6: хроника новых репрессий.

²³ Началось уничтожение музея «Пермь-З6» // Границы.ру. 16.07.2014. URL: <https://grani.ru-org.appspot.com/Politics/Russia/Regions/m.231137.html> (дата обращения: 10.06.2021).

²⁴ Holm K. Auferstanden aus Siegerlager // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2015. 29 Juli. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/nicht-wiederzuerkennen-das-gulag-museum-in-perm-13724175.html> (дата обращения: 10.06.2021).

12 апреля 2016 г., которая была посвящена деятельности лагерных конструкторских бюро – «шарашек». Одним из тезисов этой публикации стало следующее утверждение: «...С точки зрения эффективности “шарашки” себя оправдали». Общественный резонанс, вызванный этой статьей, привел к публичным извинениям руководства музея и министерства культуры, а также удалению статьи с сайта²⁵. После осуждения обществом, а главное – непосредственным руководством в лице министра культуры, новая музейная администрация стала более взвешенно относиться к культуре памяти и музеефикации памяти жертв репрессий.

Еще одним важным источником по изучению истории музея являются нормативные документы. Так, постановлением администрации Пермской области от 8 октября 1993 г. № 156 «Об организационных мерах по реализации программы “Урал-Гулаг”» строения бывшей колонии и прилегающая к ним территория были признаны «памятником истории местного значения». Этим же постановлением из бюджета области выделялись средства на реставрационные работы. Предприятию «Мемориал-Инок» были переданы на баланс здания бывшего участка особого режима колонии и корпуса, ранее принадлежавшие колонии.

Научно-исследовательский центр «Урал-ГУЛАГ» (директор В.А. Шмыров) был создан при пермском отделении Международного общества «Мемориал». Товарищество с ограниченной ответственностью «Мемориал-Инок» было учреждено 7 мая 1992 г. (генеральный директор – Александр Михайлович Калих – журналист и председатель Пермского областного отделения международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»). Основными уставными целями товарищества являлись: создание научно-мемориального комплекса, посвященного истории политических репрессий на Урале; выявление, сбор и обработка сохранившихся источников по истории политических репрессий; экспозиционная и выставочная деятельность; организация и проведение научных конференций, симпозиумов и семинаров; создание туристско-экскурсионного комплекса на базе объектов ГУЛАГа; благотворительная помощь жертвам политических репрессий.

Работы по консервации и мемориализации участка особого режима начались весной 1994 г.²⁶ В этом же году постановлением администрации Пермской области был создан Мемориальный музейно-архивный комплекс

²⁵ Руководство музея «Перми-36» наказали за оправдание сталинских «шарашек» // Коммерсант. 14.04.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2963352> (дата обращения: 13.07.2021).

²⁶ «Пермь-36». Мемориальный музей истории политических репрессий. Стратегия развития и отчет о деятельности в 2002 г. С. 24.

«Мемориал жертв политических репрессий»²⁷. К постановлению прилагалась «Программа работ», фактически начавшая музеефикацию бывшей колонии. Этим же постановлением директором музеино-архивного комплекса назначался кандидат исторических наук Виктор Александрович Шмыров. По плану музеефикации, в первую очередь должен был быть восстановлен барак особого режима – на его реставрацию выделялись деньги. Также в плане значились работы по созданию первых экспозиций в бараке особого режима: «Советский тоталитаризм и сопротивление», «Хельсинкское движение в СССР». Кроме того, одной из приоритетных задач в плане указывалось составление компьютерной базы данных репрессированных по Пермской области.

Первые экскурсии. 1990-е годы

Источник: Фотофонд музея истории политических репрессий «Пермь-36»,
коллекция «История музея»

В сентябре 1995 г. состоялось открытие музея на участке особого режима бывшей исправительно-трудовой колонии ВС-389/36. Открытие было приурочено к третьей Международной конференции «Постсталинский тоталитаризм: сущность, оппозиция, репрессии»²⁸. К этому времени был

²⁷ Постановление администрации Пермской области № 235 от 30 августа 1994 г. // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/16149647/> (дата обращения: 01.07.2021).

²⁸ К 20-летию открытия Мемориального музея истории политических репрессий «Пермь-36» // permgaspi.ru. URL: <https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/stati/k-20-letiyu->

частично отреставрирован барак особого режима и созданы первые выставки, посвященные заключенным этого участка.

Постановлением губернатора Пермской области от 15 декабря 1995 г. № 375 «О развитии мемориального музея истории политических репрессий и тоталитаризма»²⁹ одобрялась инициатива Пермского отделения общества «Мемориал» и музейно-архивного комплекса «Мемориал жертв политических репрессий» по созданию мемориального музея истории политических репрессий и тоталитаризма в СССР на базе бывшей колонии для политзаключенных «Пермь-36». Этим же постановлением утверждался генеральный план развития мемориального музея до 2000 года. Главная цель создания мемориального музея заключалась в сохранении уникального комплекса построек бывшего политлагеря. В законченном виде музей должен был включать в себя сохранившиеся жилые, хозяйствственные, производственные и служебные сооружения, а также восстановленную лагерную командировку сталинских времен. Кроме того, в музее планировалось создание экспозиций «Тоталитаризм и репрессии в СССР», «Сопротивление и политические репрессии в постсталинский период», «Пермские политлагеря» и т.п. Также в музее должны были концентрироваться материалы по истории репрессий и сопротивления коммунистическому режиму, создаваться компьютерные базы данных, в том числе списки заключенных пермских лагерей ГУЛАГа; репрессированных в Пермской области в период советской власти и коммунистического режима; заключенных пермских политлагерей 1972–1991 гг. На базе музея предполагалось проведение ежегодных международных научных конференций.

К 1996 г. основные работы по реконструкции барака особого режима были выполнены и состоялось открытие музея для посетителей. 25 июля 1997 г. решением законодательного собрания Пермской области № 815 была принята «Программа “Мемориальный музей истории политических репрессий и тоталитаризма в СССР (Пермь-36)”»³⁰. Она была инициирована областным отделением «Мемориала» и содержала фактически концепцию развития музея.

[otkrytiya-memorialnogo-muzeya-istorii-politicheskikh-repressij-perm-36.html](#) (дата обращения: 02.07.2021).

²⁹ Постановление губернатора Пермской области от 15.12.1995 № 375 «О развитии мемориального музея истории политических репрессий и тоталитаризма» // pravo.gov.ru. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=155098243&backlink=1&&nd=155012455&rdk=2&refoid=155098260> (дата обращения: 02.07.2021).

³⁰ Решение Законодательного собрания Пермской области то 25 июля 1997 г. № 815 «О Программе “Мемориальный музей истории политических репрессий и тоталитаризма в СССР (Пермь-36)”» // Региональное законодательство. Пермский край. URL: <http://www.nordcup.ru/index.php?ds=344461> (дата обращения: 01.07.2021).

В частности, планировались консервация участка строгого режима и экспонирование его в виде руин, реставрация участка особого режима, создание генеральной экспозиции, включавшей следующие разделы: 1) Становление большевистского тоталитаризма. Красный террор. Сопротивление большевизму. Белый террор; 2) Массовые репрессии и сопротивление 1920-х годов; 3) Промышленный ГУЛАГ 1930-х годов. Социалистическое строительство. Репрессии, сопротивление. Раскулачивание, ссылка, голод; 4) ГУЛАГ в годы войны. Гулаговский тыл. Гулаговские НИИ. Фронтовики в ГУЛАГе; 5) ГУЛАГ после войны. Сопротивление, репрессии. Лагеря особого назначения; 6) СССР после Сталина. Эволюция тоталитарного общества и государства. Либерализация и репрессии. Формирование правозащитной идеологии; 7) Кризис советского строя. Сопротивление, инакомыслие и правозащитное движение. Крах коммунистической системы.

23 мая 2002 г. был принят Закон Пермской области «Об областной целевой программе “Мемориальный центр истории политических репрессий “Пермь-36”” на 2002–2005 годы»³¹. Этот закон вводил ежегодное финансирование целевой программы. Главной целью стало «продолжение работ по сохранению, консервации, реставрации и восстановлению зданий и сооружений уникального памятника отечественной и мировой истории – лагеря “Пермь-36”, а также развитие на его базе уже существующего Мемориального музея истории политических репрессий “Пермь-36”». Согласно этой программе должны были выделяться средства на музеефикацию бывшей колонии и содержание музея. Остальные виды деятельности согласно программе: экспедиции по комплектованию фондов, экспозиционно-выставочная работа, просветительская и издательская деятельность должны были осуществляться за счет внебюджетных источников, т.е. грантов.

³¹ Закон Пермской области «Об областной целевой программе “Мемориальный центр истории политических репрессий “Пермь-36” на 2002–2005 годы”» // pravo.gov.ru. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=155018108&page=1&rdk=2#I0 (дата обращения: 03.07.2021).

Международный форум «Пилорама 1»

Источник: Фотофонд музея истории политических репрессий «Пермь-36»,
коллекция «История музея»

В сентябре 2005 г. музей отметил свое десятилетие рядом мероприятий: закладкой мемориального парка «Лес памяти жертв политических репрессий», первым фестивалем гражданской песни «Пилорама» и акцией «Прощай, ГУЛАГ!». «Лес памяти» должен был располагаться на специально выделенном участке земли, имитирующем карту Советского Союза, где посадкой деревьев планировалось отметить места расположения колоний ГУЛАГа. Фестиваль гражданской песни «Пилорама» использовал в качестве помоста для выступлений настоящую пилораму, сохранившуюся со времен существования колонии³². За несколько лет фестиваль развился в многодневный Международный гражданский форум «Пилорама», привлекавший гражданских активистов, правозащитников, музейщиков, ученых со всего мира. Однако в 2013–2014 гг. именно форум «Пилорама» стал «камнем преткновения» и основным пунктом обвинения в адрес дирекции музея «Пермь-36». Руководство музея обвиняли в «фальсификации истории», выразившейся в «неверной» трактовке деятельности диссидентов и правозащитников – бывших заключенных пермских политических колоний, а также в очернении

³² Музей истории политических репрессий «Пермь-36» отмечает свое 10-летие // РИА-новости. 03.09.2005. URL: <https://ria.ru/20050903/41284888.html> (дата обращения: 02.07.2021).

сотрудников пенитенциарных учреждений³³, а также в «...антигосударственной деструктивно-разлагательской деятельности» (критика власти)³⁴. Обвинения привели к смене руководства и статуса музея – из общественного он стал государственным. Статус «государственного музея» несомненно сказался на деятельности организации – яркий и очень значимый для Пермского края форум «Пилорама» больше не проводится, прекратила работу международная «Школа музеологии», не приезжают международные смены волонтеров. Конечно, это понизило статус музея до уровня регионального, но не прекратило его деятельности по сохранению памяти жертв репрессий. Осеню 2016 г. был реализован межрегиональный проект «Общенациональное место памяти», объединивший 14 музеев от Санкт-Петербурга до Колымы, имеющих в своих экспозициях материалы о политических репрессиях. В этом же году начались ежегодные научные Всероссийские конференции, посвященные истории политических репрессий. Важной вехой в истории музея стало принятие в 2019 г. Концепции развития Мемориального музея-заповедника истории политических репрессий до 2030 г.³⁵ В концепции определены основополагающие для музея элементы стратегического развития, в том числе миссия музея. Миссия музея на основании Концепции развития состоит в следующем:

сохранять музейными средствами память об истории политических репрессий, участвовать в общественном диалоге по консолидации исторической памяти, способствовать развитию представлений о невозможности повторения трагических событий прошлого³⁶.

³³ Волгина О. Бывший надзиратель «Перми-З6» уличил «Пилораму» в фальсификации истории // Еженедельник «Аргументы и факты». № 30. АИФ-Прикамье 25.07.2012. URL: <https://perm.aif.ru/culture/details/122423> (дата обращения: 22.09.2021).

³⁴ Как «Пилорама» стала поводом для объявления «Перми-З6» «иностранным агентом» // Пермское краевое отделение общества «Мемориал». URL: <http://pmem.ru/index.php?id=1214> (дата обращения: 22.09.2021).

³⁵ Концепция развития ГБУК ПК «Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-З6» // Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-З6». URL: <https://perm36.com/upload/upload/docs/Концепция%20развития%20Пермь-З6%2029.11.2019%20подписанная.pdf> (дата обращения: 02.09.2021).

³⁶ Там же.

Дискуссии в бараке строгого режима во время Международного форума «Пилорама»

Источник: Фотофонд музея истории политических репрессий «Пермь-36»,
коллекция «История музея»

Показ истории политических репрессий в музее через судьбы людей – одно из важных положений принятой концепции развития музея. В русле этого положения в 2019–2020 гг. были созданы выставки «Жизнь вопреки», «Мужество науки», «Право дышать» и другие. В основе этих выставок лежат истории судеб заключенных исправительно-трудовых лагерей и «шарашек», располагавшихся на территории Пермского края.

Заключение

Таким образом, небольшая лесная колония, созданная в Молотовской области в 1943 г. и осевшая в 1946 г. после смены нескольких дислокаций на окраине деревни Кучино, пережила несколько этапов своей истории. Из лесной колонии она была переформатирована в 1953 г. в «красную зону» для содержания осужденных бывших сотрудников силовых ведомств, а в 1972 г. стала «политической». К «политическим» в то время относились и диссиденты, распространявшие «самиздат», и настоящие изменники Родины, продававшие секреты или пытавшиеся бежать из страны, захватив заложников, и лидеры национальных движений, выступавшие за независимость своих стран. Такой «пестрый» состав заключенных в период «политической» колонии позволяет очень широко и субъективно трактовать назначение этой колонии. Вероятно, третий период функционирования колонии является самым сложным для музеефикации. Созданному в 1990-е годы на месте заброшенной колонии общественному музею в 2013 г. начали выдвигать претензии, упрекая его в том,

что он сохраняет память в том числе и о террористах и военных преступниках, которые так же отбывали наказание в этой колонии. Но, очевидно, что музей посвящен политическим заключенным, которые в большинстве своем были реабилитированы за отсутствием состава преступления. Они были осуждены за правозащитную деятельность, распространение «самиздата», написание книг и статей, которые власть по тем или иным причинам отнесла к «антисоветским».

Introduction

Recently, the problem of preserving historical memory has become particularly relevant in Russian society. First of all, it concerns the most “complicated” pages of history, which undoubtedly include the history of political repression, the Gulag labor camps, and the dissident and human rights movement of the 1970s–1980s. The Memorial Museum of the History of Political Repression Perm–36 was created in order to preserve the memory of victims of political repression. However, since 2013, numerous discussions about the interpretation of history have been taking place around the museum. Views from both sides of the barbed wire were often contradicting one another but still telling the same story. Having analyzed the existing media statements about the museum, Anke Giesen, a researcher from Germany, called this phenomenon “memory divided.”¹ This article examines historiography on the topic of the former colony museumification as well as the sources of scientific, popular science, administrative and legal nature, abstaining from the analysis of clearly manipulative media materials. This approach not only allowed us to trace the history of the museum but also to trace the history of the colony on the site of which it emerged. A historiographical literature review is necessary to understand how historical memory and attitudes towards political repression of the Soviet period have changed in Russian society, thus resulting in a revision of attitudes towards the Perm–36 memorial museum (first and foremost, on the part of the regional government). Such revision of attitudes can be seen as a certain indicator of the state policy in the field of historical memory preservation.

¹ A. Giesen, “Memory divided: representation of the conflict around the Memorial Centre Perm–36 in the Russian Media” [in Russian], *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki*, no. 3 (2015): 363–76.

Main body

The idea of creating a museum of the history of political repression was first voiced by Perm social activists as early as in 1992.² In the 1990s, active work was carried out to study the history of political repression in the country and in its individual regions. The Ural-GULAG Public Research Center organized a series of five international scientific conferences on the history of political repression.³ Unfortunately, some of the materials from these conferences were not published. The archive of the reserve museum keeps records of these conferences, which were attended, among others, by former prisoners.⁴ The 1994, 1995, and 1996 conference proceedings were published as collections. The 1994 volume was called *Totalitarianism and Personalit* and was devoted to the theory and practice of totalitarianism.⁵ The abstracts of the 1995 and 1996 conferences were published in 1998 in a joint collection entitled *Totalitarianism in Russia (USSR), 1917–1991: Opposition and Repression*. It included several articles revealing the history of the correctional labor colony (ITK) VS 389/36. For example, the article by L. Obukhov and L. Sizova contained a sociological study of former prisoners in Perm political camps (camps VS 389/35, 36, and 37 were examined). It was written on the basis of the registration cards of prisoners, stored in the archives of the Perm Department of Internal Affairs. In total, the authors reviewed about a thousand of such cards, covering the period between 1972 and 1988. Having analyzed the articles under which the prisoners were convicted, the authors concluded that their composition (averaged across all three colonies, VS 389-35, 36, and 37) was similar: 50% were convicted under Articles 70 and 72 of the RSFSR Criminal Code and similar articles of the Union republics (anti-Soviet agitation and propaganda, participation in anti-Soviet organizations); 50% were convicted under Article 64 of the RSFSR Criminal Code and similar articles of the Union republics (treason against the Motherland). Ukrainians (36.6%), Russians (34.5%), and Lithuanians (7.5%) prevailed by nationality among the convicts of all three colonies.⁶ Samples of these registration

² *The development strategy and 2002 report on the operations of the Perm-36 Memorial Center of the History of Political Repression* (Moscow: Referendum, 2003), 24.

³ “Decision of the Legislative Assembly of Perm Oblast no. 815 as of July 25, 1997: the program “The Memorial Museum of the History of Political Repression and Totalitarianism in the USSR (Perm-36)” [in Russian], *Byulleten' Zakonodatel'nogo Sobraniya i administratsii Permskoi oblasti*, no. 7–8 (1997), accessed July 1, 2021, <http://www.nordcup.ru/index.php?ds=344461>

⁴ Audioarkhiv Memorial'nogo muzeya-zapovednika “Perm'-36” [Audio archive of the Memorial Museum Perm-36]. Disc 011216_1752, folder Museum/Conferences/1992.

⁵ *Totalitarianism and personality. Abstracts of the international scientific and practical conference. Perm, July 12–14, 1994* [in Russian], ed. A.B. Suslov (Perm: Permskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut; Nauchno-issledovatel'skii tsentr “Ural-GULAG”, 1994).

⁶ L.A. Obukhov and L.V. Sizova, “Social portrait of the prisoners of Perm political camps” [in Russian], in *Totalitarianism in Russia (USSR), 1917–1991: opposition and repression: proceedings*

cards of prisoners, stored in the archive of the Perm Department of Internal Affairs (for example, cards of prisoners of ITK VS 389/36 A. Marchenko, M. Niklus, V. Stus, and V. Ovsienko), were published in the appendix to the collection.⁷

An article by Viktor Shmyrov (director of the museum between 1994 and 2014), published in the same collection, was devoted to the history of the high security facility of ITK VS 389/36. This facility was created in 1980, and “especially dangerous state criminals” were transferred there from ZhKh-385, another colony located in Mordovia. The article uses as its source *The Chronicle of Current Events* (no. 57, 1980), an illegal samizdat periodical. It contains recollections of newly released former prisoners about the living conditions and regime at the high security facility of ITK VS 389/36. Moreover, the article also mentions the names of other prisoners, which was very important at the initial stage of research. From this work, we can learn that the first group of 30 people arrived at the colony on March 1, 1980. Among them, there were 13 people convicted for war crimes committed during the Great Patriotic War (punishers or collaborators of the occupants). Another 13 prisoners were convicted under political articles; two, under criminal articles; one, for espionage. Later, the composition of prisoners changed: those convicted under political articles began to prevail.⁸

of scientific and practical conferences, ed. L.A. Obukhov (Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 1998), 117–19.

⁷ “Document 8. Registration cards of prisoners” [in Russian], in *Totalitarianism in Russia (USSR), 1917–1991: opposition and repression: proceedings of scientific and practical conferences*, ed. L.A. Obukhov (Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 1998), 182–89.

⁸ V.A. Shmyrov, “High security facility of the Perm–36 colony” [in Russian], in *Totalitarianism in Russia (USSR), 1917–1991: opposition and repression: proceedings of scientific and practical conferences*, ed. L.A. Obukhov (Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 1998), 119–22.

High security barrack, constructed in 1980

Source: Photo fonds of the Museum of the History of Political Repression Perm–36,
collection “History of the Museum”

The next article in the collection dealing with the history of the Perm–36 colony was written by Voleslav Stening, a member of the Perm branch of the International Memorial Society. V. Stening used to be a prisoner of the GULAG, convicted under Article 58. In the 1990s, he became an active member of the International Memorial Society and did a lot for preserving the memory of the victims of political repression. In his article, on the basis of field research and interviews with former prisoners and guards of the Perm–36 colony, he considered the security system of the high security facility. After the liquidation of the colony in 1988, most of the security systems and structures were dismantled and destroyed. Nevertheless, the remains of these structures have survived. Among them are dug-in pillars and knocked down “local” fences (the territory of the colony was divided by special ‘local’ fences into ‘working’ and ‘residential’ areas – S. Sh.). V. Stening managed to identify 12 types of barriers and detect the types of alarm systems (Noch’-12, Pion, and Flox) that were used to protect the territory of the colony.⁹

In 1995, the Perm Regional Institute for Advanced Training of Educators published a collection of materials on local history. This collection contained the

⁹ V.K. Stening, “Security system of the high security facility of the Perm–36 colony” [in Russian], in *Totalitarianism in Russia (USSR), 1917–1991: opposition and repression: proceedings of scientific and practical conferences*, ed. L.A. Obukhov (Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 1998), 150–52.

article by associate professors of the Perm State Pedagogical University A. Suslov and V. Kiselev “Pages of history of the Perm ‘Gulag islands’.” At that time, A. Suslov was also an employee of the Ural-GULAG public research center. The article examined the history of the GULAG formation in the territory of the Perm region, from the establishment of Visherlag (the Vishera River camp) to the creation of the timber harvesting ITK no. 6 (the future Perm-36 colony) during the Great Patriotic War. Considering the measures of coercion and motivation in the GULAG camps, among other things, the authors referred to the archival documents of the logging colony no. 6.¹⁰ This testifies to the fact that the personnel of the Ural-GULAG research center carried out intensive work on the search for documentary materials on the history of the VS 389/36 colony at that time.

In 1998, the Perm regional branch of the International Memorial Society began to publish the collections *Years of Terror: The Book of Remembrance of the Victims of Political Repression*. More than 20 collections have been published so far. The first collection contained an article by V. Shmyrov “To the history of Perm political camps.” Based on archival documents and memoirs of former prisoners, the article was the first to offer a detailed history of the creation of three colonies for political prisoners in the Perm region in the early 1970s. The articles also listed the names of the most famous political prisoners of the Perm colonies, such as V. Bukovsky, G. Superfin, N. Sharansky, S. Kovalev, et al., and gave information about the liquidation of the Perm-36 colony. The liquidation of the colony was preceded by mass pardons and the transfer of some prisoners to another colony, Perm-35.¹¹ The article was accompanied by photographic illustrations from the museum collections.

A great contribution to the study of the history of the Perm-36 colony was made by Leonid A. Obukhov, an associate professor at the Department of Interdisciplinary Historical Research of the Perm State National Research University and deputy director of the ANO Memorial Museum of the History of Political Repression Perm-36. In the period between 2008 and 2015, he wrote three important articles on the subject under research. His articles revealed different aspects of history of the correctional labor colony VS 389/36. In 2008, *Vestnik Permskogo universiteta* published the article “From the history of one colony (timber-harvesting ITK no. 6. Pre-Kuchino period).” In 2010, the articles “History of the Colony that Became a Museum” appeared in the *Proceedings of the Interregional Scientific and Practical*

¹⁰ V.G. Kiselev and A.B. Suslov, “Pages of history of the Perm ‘Gulag islands’” [in Russian], in *Pages of history of the Urals: A collection of articles and informational materials*, is. 2 (Perm: Permskii oblastnoi institut povysheniya kvalifikatsii rabotnikov obrazovaniya, 1995), 94–101.

¹¹ V.A. Shmyrov, “To the history of Perm political camps” [in Russian], in *Years of terror: the book of remembrance of the victims of political repression*, comp. A. Suslov (Perm: Zdravstvui, 1998), 250–66.

Conference ‘2009 Shatilov Readings’. Finally, the 2016 collection *After Stalin. Reforms of the 1950s in the Context of Soviet and Post-Soviet History: Proceedings of the 8th International Scientific Conference* included the article “...There are Generals, Colonels and Lieutenant Colonels’. History of the Colony for Law Enforcement Officers in the Village of Kuchino in Molotov (Perm) Oblast.” The three above-mentioned articles covered two of the three periods of the colony’s existence and were written on the basis of the materials from the Perm archives – Gosudarstvennyi Arkhiv Permskogo Kraia [State Archive of Perm Krai] (GAPK), Permskii Gosudarstvennyi Arkhiv Sotsial'no-Politicheskoi Istorii [Perm State Archive of Social and Political History] (PermGASPI), and Arkhiv informatsionnogo tsentra UVD Permskogo kraia [Archive of the Information Center of the Internal Affairs Directorate (ITs UVD) of Perm Krai]. These archives contain financial and party reports of the colonies and of the entire Main Administration of Correctional Labor Camps and Colonies (UITLK) as well as orders and instructions for the UITLK. The author did a great deal of work in the archives and his research is based on documentary sources.

From the article “From the history of one colony (timber-harvesting ITK no. 6. Pre-Kuchino period),” we can learn that during the Great Patriotic War, the Main Administration of Correctional Labor Camps and Colonies in Molotov Oblast (Perm Oblast back then) operated a number of specialized colonies, their specialism being logging, industry, and agriculture. In particular, colony no. 11 focused on timber industry. By an order dated November 23, 1942, timber-harvesting colony no. 6 was created on its basis. Initially, colony no. 6 was located near the Selyanka railway station and included the Bovino subdivision. The population of the colony was planned to be small, 450 people only.¹² The composition of the prisoners as of September 1, 1943, was 394. Of them, four people were convicted under Article 58 of the Criminal Code of the RSFSR; 89, under various decrees (for unauthorized departure from enterprises, theft of state property, etc.); the rest of them, under various criminal articles (theft, embezzlement). In 1944 the number of the prisoners in ITK no. 6 was 800 people who harvested timber to restore the national economy destroyed by the war. For instance, according to the documents, colony no. 6 supplied timber to the recovering Stalingrad. After the 1945 amnesty, only 138 prisoners remained in the colony. By the end of 1945, the forests near the colony’s site had been cut down completely, which is why the colony changed its location three times in 1946. From Verkhne-Chusovskie Gorodki it relocated to the village of Popovka and then to the village of Valezhnaya. Finally, at the end of August 1946, the

¹² L.A. Obukhov, “From the history of one colony (timber-harvesting ITK no. 6. Pre-Kuchino period)” [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Iстория*, no. 7 (23) (2008): 90–95.

colony's headquarters were moved to the village of Kuchino in Chusovoy Raion.¹³ The territory was not ready for the colony. There was no lighting, and 40% of the prisoners had no bedding. At the end of 1949, a production area was built. It included a tailor's shop, a shoemaker's shop, a carpenter's shop, and a mechanical workshop.

Colony's administration headquarters. Constructed in the early 1980s.

Source: Photo fonds of the Museum of the History of Political Repression Perm–36,
collection "History of the Museum"

In June 1953, a new stage in the history of the colony began. It was re-profiled to contain former employees of the USSR law enforcement agencies (militia, court, prosecutor's office, and the GULAG itself). As of July 1, 1954, the new composition of the colony consisted of 469 prisoners, held there under general and light-security regime. In 1957, the prisoners of the colony started production of container kits (container boards and boxes) and plasterer lath. In his article, L. Obukhov cites the facts of privileged treatment of the prisoners at that time. For example, in 1961, a TV tower was built in the territory of the colony and a TV set was installed in the common room. At that time, a TV set was quite a rare phenomenon, and no one in the nearby area had a TV set.

In the article “... There are generals, colonels and lieutenant colonels.’ History of the colony for law enforcement officers in the village of Kuchino in Molotov (Perm) Oblast,” L. Obukhov considers the second period in the colony's history, the

¹³ L.A. Obukhov, “History of the colony that became a museum” [in Russian], in *Transactions of the Tomsk Local History Museum*, vol. 16, *Proceedings of the interregional scientific and practical conference ‘2009 Shatilov Readings’* (Tomsk: TML-Press, 2010), 218–25.

so-called “red prison camp”¹⁴ on the basis of the surviving archival materials. In June 1953, a new contingent began to arrive – the convicted former personnel of militia, court, prosecutor’s office, etc. They were mostly used in timber harvesting. The facility in Kuchino was a light-security one, which is why the convicts could attend a club in the military town and to get a leave pass to leave the territory of the facility on weekends. The colony’s detachment no. 2 (the village of Severukha) had light security. In 1960, the Severukha detachment was closed, and the prisoners were transferred to a new detachment near the village of Temnaya, which was intended to accommodate 160 people. L. Obukhov also provides information on what law enforcement officers were convicted for. The majority of those who arrived at the colony in 1953–55 were convicted “for past violations of Soviet law,” i.e. for participating in mass repression using a “simplified method of investigation.” By the late 1950s – early 1960s, the majority of those convicted of such crimes had been released. They were replaced by the personnel of the law enforcement agencies who had been convicted of robbery, theft, murder, etc. After the liquidation of colony no. 6, its contingent was transferred to the colonies in Nizhny Tagil and the Mari ASSR.

Leonid Obukhov continued and extended his research in the monograph *Perm-36. Background: Correctional labor colony no. 6*.¹⁵ This work contains a number of interesting documents that reveal the details of the history of this institution.

On January 14, 1972, the USSR Minister of Internal Affairs signed an order on establishing two colonies for political prisoners. On June 16, 1972, the Head of the Internal Affairs Department of the Perm Oblast Executive Committee ordered to liquidate two colonies, UT 389/6 and Skalny educational labor colony. They were replaced by colonies VS 389/36 and VS 389/35. On July 13, 1972, the first group of prisoners from Mordovia arrived there.

Thus, the first two periods of the colony’s history – a GULAG camp and a “red prison camp” – have been studied in sufficient detail. The third period, which began in 1972, is most difficult to study because archival documents from this period have not been declassified yet. Among the available materials are the recollections of former prisoners and former guards as well as some documents, such as personal registration cards for prisoners of the 1970s and 1980s, medical journals and

¹⁴ L.A. Obukhov, “...There are generals, colonels and lieutenant colonels.’ History of the colony for law enforcement officers in the village of Kuchino in Molotov (Perm) Oblast” [in Russian], in *After Stalin. Reforms of the 1950s in the context of Soviet and post-Soviet history: proceedings of the 8th international scientific conference (Yekaterinburg, October 15–17, 2015)* (Moscow: ROSSPEN; Yekaterinburg: El’tsin Tsentr, 2016), 178–86.

¹⁵ L.A. Obukhov, *Perm-36. Background: correctional labor colony no. 6. (1942–1972)* [in Russian] (Perm: Permskoe kraevoe otdelenie obshchestva “Memorial”, 2018).

instructions for colony VS 389/35, where the main hospital serving all three political colonies was located. According to the information contained in A. Nikitin's book, Victor A. Shmyrov, the first director and founder of the Perm-36 museum, is currently working on the monograph *Perm-36. Camp for Political Prisoners*.¹⁶

The published memoirs and interviews provide lively material for museum tours and exhibitions. The first collection *Years of Terror: The Book of Remembrance of The Victims of Political Repression* contains interviews of Vitalii Ovsienko, a former prisoner of Perm-36 high-security facility, and Ivan Kukushkin, a former security guard of the colony, conducted by a Perm Tatyana Cherepanova. Unfortunately, the publication does not specify the exact date of these interviews, but the context suggests it might be 1994, the year when the museum was opened. Many former prisoners came to the event dedicated to the opening of the museum. Among them were O. Vorobyov, S. Ponomarev, M. Niklus, and V. Ovsienko. The former guard Ivan Kukushkin attended the opening of the museum as a museum worker who participated in the restoration work. In his interview, V. Ovsienko gives his version of the liquidation of the colony in 1987, which he links to the well-known meeting between Gorbachev and Reagan in Reykjavik and Gorbachev's statement that there were no political prisoners left in the USSR. The interview of Ivan Kukushkin is more informative. He describes the attempt of the prisoner Vasyl Stus [a Ukrainian poet and dissident – *Ed.*] to commit suicide, which occurred while Kukushkin was on duty. Stus barricaded himself in his work cell and tried to kill himself with a screwdriver. In the same interview, the former colony's guard recalls how he accompanied Yury Litvin, who was bleeding out, to the hospital in the town of Chusovoy in August 1984. Litvin was seriously ill and opened his veins with a razor. According to Kukushkin, when asked why he did it, Litvin replied, "I have terrible headaches, I cannot stand them." In fact, these were his last words. After that he lost consciousness and soon died.¹⁷ The circumstances of Vasyl Stus's death are described in an article by Vasil Ovsienko "Heart attack, suicide or murder? How Vasyl Stus died."¹⁸ Both prisoners, Stus and Ovsienko were in the high-security barrack together in 1984, so Ovsienko's article is largely based on his recollections. Ovsienko describes in detail the last days of Stus and cites various versions of his death. The official version was that his death was caused by a heart attack, but in

¹⁶ A. Nikitin, *Perm-36: a chronicle of new repression* [in Russian] (Perm: [n.p.], 2019), 130.

¹⁷ T. Cherepanova, "Secrets of the Perm 'GULAG'" [in Russian], in *Years of terror: the book of remembrance of the victims of political repression*, comp. A. Suslov (Perm: Zdravstvui, 1998), 266–71.

¹⁸ V. Ovsienko, "Heart attack, suicide or murder? How Vasyl Stus died" [in Ukrainian], *The file of Vasyl Stus. A collection of documents from the archives of the former KGB of the USSR* (Kharkov: Vivat, 2019), 613–34.

Ovsienko's opinion, the murder was planned by the KGB in order to prevent the poet from receiving the Nobel Prize in Literature. Right before the events described above, Stus was nominated for this prestigious international award by the famous German writer Heinrich Böll. According to Ovsienko, the murder was committed by means of the mechanism of raising/lowering the upper bunk, activated at an unusual time and without warning. In such a case, a person sitting on the lower bunk would have received a fatal injury from a blow to the head by the heavy metal-rimmed bunk. Another version of Stus's death is suicide, but according to Ovsienko, this version is the most unlikely one, since Stus was in the punishment cell under heavy surveillance and could hardly have committed suicide.

High security cell

Source: Photo fonds of the Museum of the History of Political Repression Perm–36,
collection “History of the Museum”

Based on the recollections of former prisoners and data from the colony's medical records, a new exhibition, “The Medical Room,” was created in the high-security barracks of the Perm–36 museum in 2018. The same sources formed the basis for the article “Medicine in prison (from the experience of the museum reconstruction of the medical room on the special-security site at the Perm–36 museum)” which was published in the collection *History of medicine and education of the city of Perm – three centuries of public service. Proceedings of the scientific and practical conference (Perm, October 30, 2019)*.¹⁹

¹⁹ S.A. Shevyrin, “Medicine in prison (from the experience of the museum reconstruction of the medical room on the special-security site at the Perm–36 museum” [in Russian], in *History of medicine and education of the city of Perm – three centuries of public service. Proceedings of the*

For thirty years of the museum existence, a bibliography of its history and activities has been formed. One of the first to be included in it is an article by Mikhail A. Cherepanov, who was in charge of the museum's exposition area between 1994 and 2005. This publication was devoted to the difficulties of the museumification of the former Perm-36 colony, such as the lack of funds, the difficulty of forming a museum collection, and the lack of precision in the reconstruction of the colony's structure, which was based only on the memories of former prisoners who did not know the specifics of the colony's security system for obvious reasons.²⁰ According to Cherepanov, museumification cannot be based on oral history data only (in the instance of the Perm-36 museum, on memoirs recorded several years after the colony's liquidation). Undoubtedly, memoirs are an important source of information. However, such a source has its own peculiarities, such as subjectivity of perception of the events and, in some cases, possible chronological inaccuracy. These data needs to be clarified by other types of sources, primarily archival materials. The article "Archival materials in the work of the Perm-36 museum," published by the author of this article in 2006, examines the questions of co-operation between the museum and several archives in the creation of new exhibitions and implementation of educational programs.²¹ The main idea of the article is that archives help to trace the fate of a certain repressed individual, and the story about repression told using the fates of people makes it possible to show how despite terrible ordeals, our compatriots managed to preserve their human dignity, courage, and honor.

In 2013–14, important changes took place in the history of the museum. Initially the museum was founded as a public organization, but in 2013, the State Budgetary Cultural Institution of Perm Oblast "The Museum of Political Repression Perm-36" was established in parallel with the public organization. This situation led to a critical conflict between the two organizations and the subsequent liquidation of the public organization "The Museum of the History of Political Repression Perm-36" in 2015. These events are described in the book *Perm-36: A Chronicle of New Repressions* by Andrey Nikitin, a former press secretary of the Perm-36

scientific and practical conference (Perm, October 30, 2019), ed. A.A. Matkin (Perm: Permskii natsional'nyi issledovatel'skii politekhnicheskii institut, 2019), 182–86.

²⁰ M.A. Cherepanov, "Specific features and problems of museumification of objects and monuments of the totalitarian system" [in Russian], in *Totalitarianism in Russia (USSR), 1917–1991: opposition and repression: proceedings of scientific and practical conferences*, ed. L.A. Obukhov (Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 1998), 149–50.

²¹ S.A. Shevyrin, "Archival materials in the work of the Perm-36 museum" [in Russian], in *Archives in the regional information space: materials of the interregional scientific and practical Internet conference dedicated to the 85th anniversary of the archival service of the Kama region. Perm, March – December 2004*, ed. A.I. Isachenkova (Perm: [n.p.], 2006), 97–99.

Autonomous Nonprofit Organization.²² This book, based on documents and personal recollections, describes the process of changing the museum's status from a public organization to a state cultural institution. This change of status was painful for all parties, and especially for the leadership of the public organization that was at the origins of the museum and made it a world-famous museum. In its new status, the museum continued its work, but without the bright leadership and scientific talents of its former director and founder Viktor A. Shmyrov. The first managerial actions of the new museum administration, which replaced the professional historians and included former officials of the Ministry of Culture who did not have a historical education, provoked a wave of criticism. First of all, it was the incident with the camp gate. The gate was not museumified during the existence of the public museum, and the new management almost had them handed over for scrap.²³ The first major exhibition, "Broken by Windfalls," which was prepared by the state museum and opened in June 2015, had a radically different meaning if compared to the exhibitions of the public museum. While the exhibitions prepared under the direction of Viktor Shmyrov were of a clearly human rights nature, blaming the crimes of the authorities, and telling the story about the fate of those repressed under the regime, the new exhibition told the story of the contribution to the victory in the Great Patriotic War by the impersonal crowd of prisoners. Neither the fates of specific GULAG prisoners nor their living conditions in the colony were shown at that exhibition. It was based on reporting documents on the fulfilment of annual logging plans, data on the growth of the prisoners' labor efficiency, and the importance of timber for the national economy. In the opinion of many visitors, in particular, Kerstin Holm, a journalist from Germany, "... in fact, the exhibition justified 'slave labor' and the existence of the GULAG system itself."²⁴ The highest point in pursuing this course by the new administration was the article published on the website of the state museum on April 12, 2016. The article was devoted to the activities of the experimental design bureaus, *sharashki*. One of the theses of this publication was the statement that "in terms of efficiency, the *sharashki* justified themselves." The public outcry caused by this article led to public apologies of both the museum administration and the Ministry of Culture, and the articles was removed from the museum's website.²⁵ After

²² Nikitin, *Perm-36: A chronicle of new repression*.

²³ "The destruction of the Perm-36 museum has begun" [in Russian], Grani.ru, July 6, 2014, accessed July 2, 2021, <https://grani-ru-org.appspot.com/Politics/Russia/Regions/m.231137.html>

²⁴ K. Holm, "Auferstanden aus Siegerlager," *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, July 29, 2015, accessed September 10, 2021, <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/nicht-wiederzuerkennen-das-gulag-museum-in-perm-13724175.html>

²⁵ "The administration of the Perm-36 museum is punished for justifying Stalin's *sharashki*" [in Russian], *Kommersant*, April 14, 2016, accessed July 13, 2021, <https://www.kommersant.ru/doc/2963352>

condemnation by the public and, more importantly, by the direct leadership represented by the Minister of Culture, the new museum administration began to take a more balanced approach towards the culture of memory and the museumification of the memory of victims of political repression.

Regulatory documents provide another important source for studying the history of the museum. For example, by Decree no. 156 as of October 8, 1993 "On organizational measures for implementing the Ural-GULAG program," the administration of Perm Oblast recognized the buildings of the former penal colony and the territory adjoining them as a "monument of local history." The same decree allocated funds for restoration work from the regional budget. The Memorial-Inok enterprise received under its responsibility the premises of the former high-security facility and the buildings that used to belong to the colony.

The Ural-GULAG research center (Director V. Shmyrov) was founded under the Perm branch of the International Memorial Society. The Limited Liability Partnership Memorial-Inok was established on May 7, 1992 (General Director Alexander M. Kalikh, a journalist and chairman of the Perm oblast branch of the International Historical and Educational, Human Rights and Charitable Society Memorial). The main goals of the partnership were as follows: creation of a scientific memorial complex dedicated to the history of political repression in the Urals; identification, collection and processing of surviving sources on the history of political repression; exposition and exhibition activities; organization and holding of scientific conferences, symposia, and seminars; creation of a tourist and excursion complex at the premises of the GULAG facilities; charitable assistance to victims of political repression.

The work on conservation and memorialization of the high security facility was commenced in the spring of 1994.²⁶ In the same year, the Memorial Museum of the History of Political Repression Perm-36 was founded by a decree of the Perm Oblast administration.²⁷ The decree was supplemented with the "Program of Work," which in fact started the museumification of the former colony. The same decree appointed Viktor Shmyrov, candidate of historical sciences, as director of the museum and archive complex. According to the plan of museumification, the first thing to be done was to restore the high-security barrack of the colony and funds were allocated for its restoration. The plan also included the creation of the first exhibitions in the high-security barrack of the colony – "Soviet Totalitarianism and Resistance" and "The

²⁶ *The development strategy and 2002 report on the operations of the Perm-36 Memorial Center of the History of Political Repression*, 24.

²⁷ Decree of the Perm Oblast administration no. 235 as of August 30, 1994 [in Russian], Garant.ru, accessed July 1, 2021, <https://base.garant.ru/16149647/>

Helsinki Movement in the USSR.” In addition, one of the priority tasks in the plan was to compile a computer database of the repression victims in Perm Oblast.

First excursions, 1990s.

Source: Photo fonds of the Museum of the History of Political Repression Perm–36,
collection “History of the Museum”

In September 1995, the museum was opened on the site of the high-security facility of the former correctional labor colony ITK VS-389/36. The opening was planned to coincide with the third International Conference “Post-Stalinist Totalitarianism: Principle, Opposition, Repression.”²⁸ By that time, the special regime barrack had been partially restored and the first exhibitions dedicated to the prisoners of this site had been prepared.

The Decree of the Governor of Perm Oblast no. 375 as of 15.12.1995 “On the Development of the Memorial Museum of the History of Political Repression and Totalitarianism” approved the initiative of the Perm branch of the International Memorial Society and the museum and archive complex “Memorial to Victims of Political Repression.” It was decided to create a memorial museum of the history of political repression and totalitarianism in the USSR on the basis and on the site of the

²⁸ “On the 20th anniversary of the opening of the Memorial Museum of the History of Political Repression ‘Perm–36’” [in Russian], Permskii partarkhiv, accessed July 2, 2021, <https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/stati/k-20-letiyu-otkrytiya-memorialnogo-muzeya-istorii-politicheskikh-repressij-perm-36.html>

former colony for political prisoners Perm-36.²⁹ The same decree approved the general plan for the development of the memorial museum until 2000. The main objective of the creation of the memorial museum was to preserve the unique complex of buildings of the former political colony. In its finished form, the museum was to include the surviving residential, commercial, industrial and service buildings and facilities, as well as a reconstructed Stalin-era camp detachment. In addition, the museum was to host the following exhibitions: “Totalitarianism and Repression in the USSR,” “Resistance and Political Repression in the Post-Stalin Period,” “Political Camps in Perm,” etc. Materials on the history of repression and resistance to the Communist regime were also supposed to be collected in the museum. Computer databases were to be created and to include the lists of the prisoners of the Perm camps of the GULAG, of those repressed in Perm Oblast during the Soviet rule and the Communist regime, and prisoners in the Perm political camps between 1972 and 1991. The museum was planned to host annual international scientific conferences.

By 1996, the main work on the reconstruction of the high-security barracks had been completed and the museum was opened for visitors. On July 25, 1997, by Decision of the Legislative Assembly of Perm Oblast no. 815 as of July 25, 1997, the program “The Memorial Museum of the History of Political Repression and Totalitarianism in the USSR (Perm-36)” was adopted.³⁰ It was initiated by the regional branch of the International Memorial Society and actually contained a concept for the museum development. In particular, it was planned to conserve the high-security facility of the colony and expose it in the form of ruins. Moreover, it was planned to restore the special facility, and create the general exhibition that would include the following sections: (1) The Formation of Bolshevik Totalitarianism. Red Terror. Resistance to Bolshevism. White terror; (2) Mass Repression and Resistance in the 1920s; (3) The Industrial GULAG of the 1930s. Socialist Construction. Repression, Resistance. Dekulakization, Exile, Hunger; (4) The GULAG System during the War. The GULAG Rear. The GULAG Research Institutes. Front-Line Soldiers in the GULAG Camps; (5) The GULAG after the War. Resistance, Repression. Special Purpose Camps; (6) The USSR after Stalin. Evolution of the Totalitarian Society and State. Liberalization and Repression.

²⁹ Decree of the Governor of Perm Oblast no. 375 as of 15.12.1995 “On the development of the Memorial Museum of the History of Political Repression and Totalitarianism” [in Russian], Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii, accessed July 2, 2021, <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=155098243&backlink=1&&nd=155012455&rdk=2&refoid=155098260>

³⁰ Decision of the Legislative Assembly of Perm Oblast no. 815 as of July 25, 1997 “On the program ‘The Memorial Museum of the History of Political Repression and Totalitarianism in the USSR (Perm-36)” [in Russian], Regional'noe zakonodatel'stvo. Permskii krai, accessed July 1, 2021, <http://www.nordcup.ru/index.php?ds=344461>

Formation of Human Rights Ideology; (7) Crisis of the Soviet System. Resistance, Opposition and Human Rights Movement. Collapse of the Communist System.

On May 23, 2002, Law of Perm Oblast “On the Oblast Target Program “The Memorial Museum of the History of Political Repression Perm–36 for 2002–2005” was adopted. That law introduced annual funding for the target program.³¹ The main objective was “to continue the preservation, conservation, restoration, and reconstruction of the buildings and facilities of the unique monument of national and world history, the Perm–36 colony, and to develop the already existing Memorial Museum of the History of Political Repression Perm–36 on its basis. According to this program, funds were to be allocated for museumification of the former colony and maintenance of the museum. According to the program, the rest of the activities were to be carried out at the expense of non-budgetary sources, i.e. grants. Such activities included expeditions for acquisition of museum collections, exposition and exhibition work, educational activities, and publishing.

The International Pilorama 1 Forum

Source: Photo fonds of the Museum of the History of Political Repression Perm–36,
collection “History of the Museum”

In September 2005, the museum celebrated its 10th anniversary with a number of events: the opening of the memorial park “Forest of the Memory of Victims of Political Repression,” the first civil song festival Pilorama [Sawmill], and the public

³¹ Law of Perm Oblast “On the oblast target program “The Memorial Centre of the History of Political Repression Perm–36 for 2002–2005” [in Russian], Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii, accessed July 3, 2021, http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=155018108&page=1&rdk=2#I0

action “Farewell, GULAG!” The Forest of Memory was to be located on a specially allocated plot of land, imitating a map of the Soviet Union, where it was planned to mark the locations of the GULAG colonies by planting trees. The Pilorama song festival used the actual sawmill that dated back to the times of the colony as a stage for its performances.³² As a result, the festival evolved into the Pilorama International Civil Forum, which attracted human rights activists, museum workers, and scholars from all over the world. However, in 2013–14, it was the Pilorama Forum that became a “stumbling block” and the main point in accusations against the administration of the Perm–36 museum. The administration was accused of “falsifying history,” expressed in a “wrong” interpretation of the activities of dissidents and human rights activists who were the former prisoners of the Perm political colonies,³³ of denigrating the employees of penitentiary institutions, and of “anti-state destructive and deconstructive activities” (criticism of the authorities).³⁴ The accusations led to the changes in museum’s administration and status (the museum ceased to be a public organization and became subordinate to the state). The status of the “state museum” undoubtedly affected its activities. The Pilorama forum, a bright and very important event for the Perm region, is not held anymore. The international School of Museology ceased to exist. International volunteer teams do not come to the colony anymore. Of course, this has lowered the museum’s status to the regional level, but it has not yet stopped its activities to preserve the memory of victims of political repression in the USSR. In the fall of 2016, an interregional project “A Nationwide Place of Memory” was implemented, bringing together 14 museums from different places (from St Petersburg to Kolyma) that have materials about political repression in their expositions. In the same year, annual all-Russian scientific conferences dedicated to the history of political repression began. An important milestone in the history of the museum was the adoption in 2019 of the Development Concept of the Memorial Museum of the History of Political Repression Perm–36 until 2030.³⁵ The concept defined the fundamental elements of

³² “The Museum of the History of Political Repression ‘Perm-36’ celebrates its 10th anniversary” [in Russian], RIA-Novosti, September 3, 2005, accessed July 2, 2021, <https://ria.ru/20050903/41284888.html>

³³ O. Volgina, “Former supervisor of Perm–36 caught Pilorama falsifying history” [in Russian], Argumenty i fakty, AIF-Prikam'e, no. 30, July 25, 2012, accessed September 22, 2021, <https://perm.aif.ru/culture/details/122423>

³⁴ “How Pilorama became the reason for declaring Perm–36 a ‘foreign agent’” [in Russian], Permskoe kraevoe otdelenie obshchestva “Memorial”, accessed September 22, 2021, <http://pmem.ru/index.php?id=1214>

³⁵ “Development concept of the Memorial Museum of the History of Political Repression Perm–36” [in Russian], accessed July 2, 2021, Memorial'nyi muzei-zapovednik istorii

the museum's strategic development, including the museum's mission for the upcoming years. Based on the development concept, the museum's mission is as follows:

to preserve by museum means the memory of the history of political repression, to participate in public dialogue on the consolidation of historical memory, to promote the development of ideas about the impossibility of repeating the tragic events of the past.³⁶

Discussions in the high security barrack during the Pilorama International Forum.
Source: Photo fonds of the Museum of the History of Political Repression Perm-36,
collection "History of the Museum"

Telling about the history of political repression in the museum through the fate of individual people is one of the important provisions of the accepted museum's development concept. In line with this provision, new exhibitions were created in 2019–20. Among them were "Life in Spite of," "Courage of Science," "The Right to Breathe," and others. These exhibitions are based on the stories of the fate of prisoners in correctional labor camps and *sharashki* located in the Perm region.

politicheskikh repressii 'Perm'-36', accessed September 2, 2021, <https://perm36.com/upload/upload/docs/Концепция%20развития%20Пермь-36%2029.11.2019%20подписанная.pdf>

³⁶ "Development concept of the Memorial Museum of the History of Political Repression Perm-36" [in Russian], accessed July 2, 2021, Memorial'nyi muzei-zapovednik istorii politicheskikh repressii 'Perm'-36', accessed September 2, 2021, <https://perm36.com/upload/upload/docs/Концепция%20развития%20Пермь-36%2029.11.2019%20подписанная.pdf>

Conclusion

Thus, the small timber-harvesting colony, which was established in Molotov Oblast in 1943 and after changing several locations, settled down on the outskirts of the village of Kuchino in 1946, went through several periods of its history. In 1953, it was transformed from a timber-harvesting colony into a “red prison camp” for the detention of the convicted personnel of law enforcement agencies. Later, in 1972, the colony became a political one. Back then, among political prisoners there were dissidents who distributed samizdat, actual traitors to the Motherland who sold secrets or tried to flee the country by taking hostages, and leaders of national movements who advocated the independence of their countries. Such a “pied” composition of prisoners during the “political” period of the colony allows for a very broad and subjective interpretation of its purpose. Probably, the third period of the colony’s existence is the most difficult for museumification. In 2013, the public museum that was founded in the 1990s on the site of the abandoned colony began to receive complaints that the memory it preserved, among other things, was the memory of terrorists and war criminals who were among the prisoners of the colony. However, it is obvious that the museum is dedicated to the political prisoners, most of whom were rehabilitated later in the absence of crime in the act. They were convicted for human rights activities, distribution of samizdat, and writing books and articles that, for whatever reason, the authorities classified as anti-Soviet.

Список литературы

Гизен А. Расколотая память: отражение конфликта вокруг «Мемориального центра Пермь-36» в российских медиа // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 3. С. 363–376.

К 20-летию открытия Мемориального музея истории политических репрессий «Пермь-36» // Пермский партархив. URL: <https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/stati/k-20-letiyu-otkrytiya-memorialnogo-muzeya-istorii-politicheskikh-repressij-perm-36.html> (дата обращения: 02.07.2021).

Киселев В.Г., Суслов А.Б. Страницы истории пермских «островов ГУЛАГа» // Страницы истории Урала: сборник статей и информационных материалов. Вып. 2. Пермь: Пермский областной институт повышения квалификации работников образования, 1995. С. 94–101.

Концепция развития ГБУК ПК «Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36» // Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36». URL: <https://perm36.com/upload/upload/docs/Концепция%20развития%20Пермь-36%202029.11.2019%20подписанная.pdf> (дата обращения: 02.09.2021).

Музей истории политических репрессий «Пермь–36» отмечает свое 10-летие // РИА НОВОСТИ. 03.09.2005. URL: <https://ria.ru/20050903/41284888.html> (дата обращения: 02.07.2021).

Началось уничтожение музея «Пермь–36» // Границы.ру. 16.07.2014. URL: <https://grani.ru-org.appspot.com/Politics/Russia/Regions/m.231137.html> (дата обращения: 10.09.2021).

Никитин А. Пермь–36: хроника новых репрессий. Пермь: [б.и.], 2019. 268 с.

Обухов Л.А. Из истории одной колонии (лесная ИТК-6. Докучинский период) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2008. № 7 (23). С. 90–95.

Обухов Л.А. “...Есть генералы, полковники и подполковники”. История колонии для работников правоохранительных органов в пос. Кучино Молотовской (Пермской) области // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: материалы VIII международной научной конференции (Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г.). Москва: РОССПЭН; Екатеринбург: Ельцин Центр, 2016. С. 178–186.

Обухов Л.А. История колонии, ставшей музеем // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. 16: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Шатиловские чтения–2009» (15–17 июня 2009 г.) Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. С. 218–225.

Обухов Л.А. Пермь–36. Предыстория: ИТК № 6 (1942–1972). Пермь: Пермское краевое отделение общества «Мемориал», 2018. 160 с.

Обухов Л.А., Сизова Л.В. Социальный портрет заключенных пермских политлагерей // Тоталитаризм в России (СССР), 1917–1991 гг.: оппозиция и репрессии: материалы научно-практических конференций / ответственный редактор Л.А. Обухов. Пермь: Пермский государственный университет, 1998. С. 117–119.

«Пермь–36». Мемориальный музей истории политических репрессий. Стратегия развития и отчет о деятельности в 2002 г. Москва: Референдум, 2003. 112 с.

Руководство музея «Перми–36» наказали за оправдание сталинских «шарашек» // Коммерсант, 14.04.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2963352> (дата обращения: 10.09.2021).

Стенинг В.К. Система охраны участка особого режима колонии «Пермь–36» // Тоталитаризм в России (СССР), 1917–1991 гг.: оппозиция и репрессии: материалы научно-практических конференций / ответственный редактор Л.А. Обухов. Пермь: Пермский государственный университет, 1998. С. 150–152.

Черепанов М.А. Особенности и проблемы музеефикации объектов и памятников тоталитарной системы // Тоталитаризм в России (СССР), 1917–1991 гг.: оппозиция и репрессии: материалы научно-практических конференций / ответственный редактор Л.А. Обухов. Пермь: Пермский государственный университет, 1998. С. 149–150.

Черепанова Т. Тайны пермского «ГУЛАГа» // Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий / составитель А. Суслов. Пермь: Здравствуй, 1998. С. 266–271.

Шевырин С.А. Архивные материалы в работе музея «Пермь-36» // Архивы в региональном информационном пространстве: материалы межрегиональной научно-практической интернет-конференции, посвященной 85-летию архивной службы Прикамья. Пермь, март–декабрь 2004 г. / научный редактор А.И. Исаченкова. Пермь: [б.и.], 2006. С. 97–99.

Шевырин С.А. Медицина в тюрьме (из опыта музейной реконструкции медицинского кабинета на участке особого режима в музее «Пермь-36») // История медицины и образования города Перми – три века служения людям. Материалы научно-практической

конференции (Пермь, 30 октября 2019 г.) / под редакцией А.А. Маткина. Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический институт, 2019. С. 182–186.

Шмыров В.А. К истории пермских политлагерей // Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий / составитель А. Суслов. Пермь: Здравствуй, 1998. С. 250–266.

Шмыров В.А. Участок особого режима колонии «Пермь-36» // Тоталитаризм в России (СССР), 1917–1991 гг.: оппозиция и репрессии: материалы научно-практических конференций / ответственный редактор Л.А. Обухов. Пермь: Пермский государственный университет, 1998. С. 119–122.

Holm K. Auferstanden aus Siegerlager // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2015. 29 Juli. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/nicht-wiederzuerkennen-das-gulag-museum-in-perm-13724175.html> (дата обращения: 10.09.2021).

References

Cherepanov, M.A. “Osobennosti i problemy muzeifikatsii ob'ektov i pamyatnikov totalitarnoi sistemy” [Specific features and problems of museumification of objects and monuments of the totalitarian system]. In *Totalitarizm v Rossii (SSSR), 1917–1991 gg.: oppozitsiya i repressii: materialy nauchno-prakticheskikh konferentsii* [Totalitarianism in Russia (USSR), 1917–1991: opposition and repression: proceedings of scientific and practical conferences], edited by L.A. Obukhov, 149–50. Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 1998. (In Russian)

Cherepanova, T. “Tainy permskogo ‘GULAGa’” [Secrets of the Perm ‘GULAG’]. In *Gody terrora: Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressii* [Years of terror: the book of remembrance of the victims of political repression], 266–71, compiled by A. Suslov. Perm: Zdravstvui, 1998. (In Russian)

Giesen, A. “Raskolotaya pamyat’: otrazhenie konflikta vokrug ‘Memorial’nogo tsentra Perm’-36’ v rossiiskikh media” [Memory divided: representation of the conflict around the Memorial Centre ‘Perm-36’ in the Russian Media]. *Zhurnal issledovanii sotsial’noi politiki*, no. 3 (2015): 363–76. (In Russian)

Holm, K. “Auferstanden aus Siegerlager.” *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, July 29, 2015. Accessed September 10, 2021. <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/nicht-wiederzuerkennen-das-gulag-museum-in-perm-13724175.html>

Kiselev, V.G., and A.B. Suslov. “Stranitsy istorii permskikh ‘ostrovov GULAGa’” [Pages of history of the Perm ‘Gulag islands’]. In *Stranitsy istorii Urala: sbornik statei i informatsionnykh materialov* [Pages of history of the Urals: A collection of articles and informational materials], is. 2, 94–101. Perm: Permskii oblastnoi institut povysheniya kvalifikatsii rabotnikov obrazovaniya, 1995. (In Russian)

“K 20-letiyu otkrytiya Memorial’nogo muzeya istorii politicheskikh repressii ‘Perm’-36’” [On the 20th anniversary of the opening of the Memorial Museum of the History of Political Repression ‘Perm-36’]. Permskii partarkhiv. Accessed July 2, 2021. <https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/stati/k-20-letiyu-otkrytiya-memorialnogo-muzeya-istorii-politicheskikh-repressij-perm-36.html> (In Russian)

“Kontsepsiya razvitiya GBUK PK ‘Memorial’nyi muzei-zapovednik istorii politicheskikh repressii ‘Perm’-36’”. [Development concept of the Memorial Museum of the History of Political Repression ‘Perm-36’]. Memorial’nyi muzei-zapovednik istorii politicheskikh repressii ‘Perm’-36’, Accessed July 2, 2021. <https://perm36.com/upload/upload/docs/Концепция%20развития%20Пермь-36%202029.11.2019%20подписанная.pdf> (In Russian)

“Muzei istorii politicheskikh repressii ‘Perm’-36’ otmechaet svoe 10-letie” [Museum of the History of Political Repression Perm-36 celebrates its 10th anniversary]. RIA-Novosti, September 3, 2005. Accessed July 2, 2021. <https://ria.ru/20050903/41284888.html> (In Russian)

“Nachalos’ unichtozhenie muzeya ‘Perm’-36’” [The destruction of the Perm-36 museum has begun]. Grani.ru, July 6, 2014. Accessed July 2, 2021. <https://grani.ru-org.appspot.com/Politics/Russia/Regions/m.231137.html> (In Russian)

Nikitin, A. *Perm’-36: kchronika novykh repressii* [Perm-36: a chronicle of new repression]. Perm: [n.p.], 2019. (In Russian)

Obukhov L.A. “...Est’ generaly, polkovniki i podpolkovniki’. Iстория колонии для рабочих из деревни Кучино в Молотовском (Пермском) районе” [‘...There are generals, colonels and lieutenant colonels’. History of the colony for law enforcement officers in the village of Kuchino in Molotov (Perm) Oblast]. In *Posle Stalina. Reformy 1950-kh godov v kontekste sovetskoi i postsovetskoi istorii: materialy VIII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Ekaterinburg, 15–17 oktyabrya 2015 g.)* [After Stalin. Reforms of the 1950s in the context of Soviet and post-Soviet history: proceedings of the 8th international scientific conference (Yekaterinburg, October 15–17, 2015)], 178–86. Moscow: ROSSPEN; Yekaterinburg: El’tsin Tsentr, 2016. (In Russian)

Obukhov, L.A. “Iстория колонии, ставшей музеем” [History of the colony that became a museum]. In *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Transactions of the Tomsk Local History Museum], vol. 16, *Materialy Mezhregional’noi nauchno-prakticheskoi konferentsii ‘Shatilovskie chteniya–2009’ (15–17 iyunya 2009 g.)* [Proceedings of the interregional scientific and practical conference ‘2009 Shatilov Readings’], 218–25. Tomsk: TML-Press, 2010. (In Russian)

Obukhov, L.A. “Iz istorii odnoi kolonii (lesnaya ITK-6. Dokuchinskii period)” [From the history of one colony (timber-harvesting ITK no. 6. Pre-Kuchino period)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Iстория*, no. 7 (23) (2008): 40–47. (In Russian)

Obukhov, L.A., and L.V. Sizova. “Sotsial’nyi portret zaklyuchennykh permskikh politlagerei” [Social portrait of the prisoners of Perm political camps]. In *Totalitarizm v Rossii (SSSR), 1917–1991 gg.: oppositsiya i repressii: materialy nauchno-prakticheskikh konferentsii* [Totalitarianism in Russia (USSR), 1917–1991: opposition and repression: proceedings of scientific and practical conferences], edited by L.A. Obukhov, 117–19. Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 1998. (In Russian)

Obukhov. L.A. *Perm’-36. Predistoriya: ITK № 6 (1942–1972)* [Perm-36. Background: Correctional labor colony no. 6. (1942–1972)]. Perm: Permskoe kraevoe otdelenie obshchestva “Memorial”, 2018. (In Russian)

“Perm’-36”. *Memorial’nyi muzei istorii politicheskikh repressii. Strategiya razvitiya i otchet o deyatel’nosti v 2002 g.* [The development strategy and 2002 report on the operations of the Perm-36 Memorial Center of the History of Political Repression]. Moscow: Referendum, 2003. (In Russian)

“Rukovodstvo muzeya ‘Permi-36’ nakazali za opravdanie stalinskikh ‘sharashek’” [The administration of the Perm-36 museum is punished for justifying Stalin’s *sharashki*]. *Kommersant*, April 14, 2016. Accessed September 10, 2021. <https://www.kommersant.ru/doc/2963352> (In Russian)

Shevyrin, S.A. “Arkhivnye materialy v rabote muzeya ‘Perm’-36’” [Archival materials in the work of the Perm-36 museum]. In *Arkhivy v regional’nom informatsionnom prostranstve: materialy mezhregional’noi nauchno-prakticheskoi internet-konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu arkhivnoi sluzhby Prikam’ya. Perm’, mart–dekabr’ 2004 g.* [Archives in the regional information space: materials of the interregional scientific and practical Internet conference dedicated to the

85th anniversary of the archival service of the Kama region. Perm, March–December 2004], edited by A.I. Isachenkova, 97–99. Perm: [n.p.], 2006. (In Russian)

Shevyrin, S.A. “Meditina v tyur'me (iz optya muzeinoi rekonstruktsii meditsinskogo kabineta na uchastke osobogo rezhima v muzee ‘Perm'-36’)” [Medicine in prison (from the experience of the museum reconstruction of the medical room on the special-security site at the Perm-36 museum)]. In *Istoriya meditsiny i obrazovaniya goroda Permi – tri veka sluzheniya lyudyam. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (Perm', 30 oktyabrya 2019 g.)* [History of medicine and education of the city of Perm – three centuries of public service. Proceedings of the scientific and practical conference (Perm, October 30, 2019)], edited by A.A. Matkin, 182–86. Perm: Permskii natsional'nyi issledovatel'skii politekhnicheskii institut, 2019. (In Russian)

Shmyrov V.A. “Uchastok osobogo rezhima kolonii ‘Perm'-36”” [High security facility of the Perm-36 colony]. In *Totalitarizm v Rossii (SSSR), 1917–1991 gg.: oppozitsiya i repressii: materialy nauchno-prakticheskikh konferentsii* [Totalitarianism in Russia (USSR), 1917–1991: opposition and repression: proceedings of scientific and practical conferences], edited by L.A. Obukhov, 119–22. Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 1998. (In Russian)

Shmyrov, V.A. “K istorii permskikh politlagerei” [To the history of Perm political camps]. In *Gody terrora: Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressii* [Years of terror: the book of remembrance of the victims of political repression], compiled by A. Suslov, 250–66. Perm: Zdravstvui, 1998. (In Russian)

Stening, V.K. “Sistema okhrany uchastka osobogo rezhima kolonii ‘Perm'-36”” [Security system of the high security facility of the Perm-36 colony]. In *Totalitarizm v Rossii (SSSR), 1917–1991 gg.: oppozitsiya i repressii: materialy nauchno-prakticheskikh konferentsii* [Totalitarianism in Russia (USSR), 1917–1991: opposition and repression: proceedings of scientific and practical conferences], edited by L.A. Obukhov, 150–52. Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 1998. (In Russian)

Информация об авторах

Сергей Андреевич Шевырин – кандидат исторических наук, заведующий научно-методическим отделом; <https://orcid.org/0000-0002-8378-7528>, shewirin@mail.ru, Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36» (618243 Россия, Пермский край, Чусовской район, д. Кучино).

Information about the author

Sergei A. Shevyrin – Candidate of Historical Sciences, head of scientific and methodological department; <https://orcid.org/0000-0002-8378-7528>, shewirin@mail.ru, Memorial Reserve Museum of the History of Political Repression Perm-36 (d. Kuchino, Chusovskoi Raion, Perm Krai, Russia, 618243).

Статья поступила в редакцию 15.07.2021; одобрена после рецензирования 13.09.2021; принята к публикации 24.09.2021.

The article was submitted 15.07.2021; approved after reviewing 13.09.2021; accepted for publication 24.09.2021.